

1903 г. (4) РФ

91 (53 + 584) 083

ЗЕМЛИ И ЛЮДИ РОССИИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ.

Выпускъ
четвертый.

Въ Сибири и въ
Средне-Азіатскихъ
владѣніяхъ.

80

составилъ
Д. Тимковскій.

МОСКВА.—Типографія Товарищества

И. Д. Сытина, Валовая ул.—1900. г.

ЗЕМЛИ И ЛЮДИ РОССИИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ.

Составилъ Д. Тимковскій.

1948

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ Сибири и въ Средне-Азіатскихъ
владѣніяхъ.

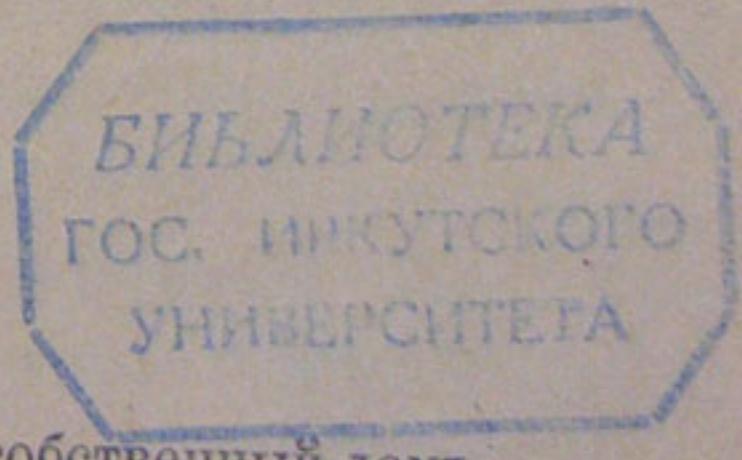
Библиотека
Нита Степановича
Романова.

Отд. №
г. Иркутскъ.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1899 года.

не такъ легко, какъ ему казалось, и черезъ день, можетъ быть, онъ убѣдится, что надо родиться съ способностью управлять хорошо собаками, а пріобрѣсть ее трудно.

Озеро Байкалъ.

(Изъ соч. Гартвига).

Это самое большое прѣсноводное озеро Старого свѣта (100 миль въ длину, 18 миль въ ширину и 500 квадратныхъ миль поверхности) и, за исключениемъ большого Невольничьяго озера, самое большое озеро всего полярнаго склона. Черезъ Байкалъ протекаетъ Селенга, которую можно считать главнымъ рукавомъ Енисея; слѣдовательно, изъ нѣдръ этого озера вытекаетъ самая большая по протяженію рѣка Старого свѣта. Окрестности Байкала очень живописны: повсюду изъ воды отвѣсно поднимаются высокія скалы и тотчасъ же снова опускаются въ неизмѣримую глубь. Плаваніе по Байкалу весьма опасно, потому что, бѣдный гаванями, онъ подверженъ внезапнымъ бурямъ и страшнымъ вихрямъ. Иногда воды его приходятъ въ сильное волненіе безъ всякой видимой причины, какъ будто подземная вулканическія силы приводятъ ихъ въ движеніе. Суда, на которыхъ плаваютъ по прекрасному озеру, своей постройкой напоминаютъ первобытное мореплаваніе, и удивляясь смѣлости рыбаковъ, предающихся своимъ занятіямъ въ такихъ непрочныхъ лодкахъ. Тѣмъ не менѣе рыбная ловля здѣсь очень добычлива, ибо ежегодно въ Байкалѣ и въ него впадающихъ рѣкахъ ловятъ не менѣе 13 миллионовъ однихъ лососей. На Байкалѣ водятся также тюлени. Для перевозки товаровъ Байкалъ менѣе полезенъ, чѣмъ для рыбной ловли. Вся перевозка товаровъ между Иркутскомъ и Забайкальскимъ краемъ совершается или на саняхъ по замерзшему лону Байкала, или обѣзжаетъ его южную оконечность по неровной дорогѣ.

Приключение на Святомъ морѣ.

(Изъ соч. Стакѣева).

Въ Посольскомъ селеніи я познакомился съ однимъ ста-
рикомъ крестьяниномъ, съ которымъ мы, въ первый разъ
моей поѣздки за Байкалъ, долго бесѣдовали.

— Правда ли,—спросилъ я, между прочимъ, старика,—
что ваше Байкальское море очень бурное, сердитое?

— Не вѣрьте, сударь, кто этакъ о нашемъ морѣ отзы-
вается. Наше море сердито, да милостиво: покачаетъ, по-
ломаетъ судно, а все же людей не погубить. Не даромъ же
его и называютъ—*Святое морѣ*. А Святое оно потому, что
въ немъ ни одна душа христіанская не погибла.

— Не можетъ этого быть, дѣдушка, неправда. Нельзя
этого утверждать.

— Нельзя этого, батюшка, про другое мѣсто утвер-
ждать, а про наше Святое море можно, потому что оно
святое... Да вотъ я вамъ расскажу, какой однажды былъ
съ нашими ребятами случай.

„Было дѣло лѣтъ тому десятокъ назадъ: Возвращались
наши ребята изъ-за моря, кладь возили они въ ту сто-
рону и ѿхали обратно съ пустыми санями. Долго что-то
они въ Иркутскѣ позамѣшкались, а время было позднее:
апрѣль на исходѣ, и солнышко грѣло ужъ совсѣмъ по-
лѣтнему. Было у нихъ лошадей сорокъ съ сорока санями,
да ихъ самихъ человѣкъ пятнадцать. Выѣхали они съ Ли-
ственичной пристани рано, норовили, значитъ, такъ, чтобы
къ вечеру-то добраться до Посольскаго. А время, говорю,
было позднее, и почтовые станки, давнымъ-давно были сня-
ты, ѿздили голометью, прямо то-есть на перерѣзъ Бай-
кала.

„Поѣхали наши ребята; ѿдутъ и думушки не думаютъ
о томъ, что время наступило весеннее. Только отъѣхали
они верстъ тридцать, стали замѣчать, что ледъ все мягче
и мягче; чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе лошадямъ итти

стало. Остановились было, подумали маленько, да и опять поѣхали,—дескать, ничего, Богъ поможетъ. Кони у нихъ стали уставать и чуть только ногами передвигаютъ, а ноги-то давно ужъ по колѣно въ водѣ; взмолились мужики, почесались, а возвратиться назадъ не хотѣли, потому — дорого стоитъ содержать на чужомъ дворѣ коней, да самимъ мѣсяца полтора безъ дѣла проѣдаться. Постояли опять немного, посмотрѣли на всѣ четыре стороны, видя по разнымъ своимъ примѣтамъ, что отъѣхали развѣ развѣ верстъ 40, а дѣло ужъ къ вечеру подвигалось, солнышко спряталось за высокими горами. Опять поплелись; смеркаться стало; мягкий снѣгъ сталъ порошить, да такой теплый-теплый падаетъ и таетъ, глаза у ребятъ залѣпляютъ своими хлопьями,—впереди ничего не могутъ разсмотреть. Стѣмнѣло. Ночь сдѣлалась такая темная, точно вотъ осенью,—все небо заволокло. Мужики вздыхаютъ, охаютъ, молитвы къ Господу творятъ, а все потихоньку впередъ да впередъ двигаются. Лошади совсѣмъ уморились да и тоже стали побаиваться: гдѣ помягче мѣсто—не идутъ, пятятся назадъ.

Только такъ-то много ли, мало ли, вдругъ передняя лошадь совсѣмъ встала, а снѣгъ все сыплеть да сыплеть, ровно пухомъ, и таетъ налету, сыплеть и таетъ, глаза мужикамъ залѣпляетъ... Тишина такая на морѣ стояла, теплота— страсть! Встала лошадь и не идетъ. Парень ее было стегнулъ; лошадь лягнула ногой — не идетъ. Подошли человѣка три, смотрѣть—вода, трещина на льду сдѣлалась сажени на двѣ шириной, а гдѣ конецъ этой трещины, только одинъ Господь-Батюшка знаетъ. Поѣхали они искать конца этой трещины вдоль по морю, да такъ всю ночь и промаялись, а конца не нашли. Устали бѣдные, истомились, проголодались; а море все нѣтъ-нѣтъ да и выстрѣлитъ, и глухимъ такимъ шумомъ подо льдомъ загудитъ, загудитъ... Это значитъ въ другомъ мѣстѣ по морю опять новая трещина сдѣлалась.

Стало свѣтать, а ребята наши все на серединѣ моря, все около трещины возятся и перебраться черезъ нее не могутъ. Были съ ними, на всякой случай, лома два-три да лопатъ тоже штуки четыре-пять,—стали они заводить льды въ трещину, отбивали, значитъ, ихъ ломами отъ одного мѣ-

ста да и запруживали ими трещину; къ полудню-то, видно, кончили работу, сдѣлали ледяной переходъ. Стали правляться. Кони, которые бывалые да опытные, тѣ уже знали, какъ надо дѣйствовать, и тихонько перебирались по льду по трещинѣ, а молодыя-то лошади, неопытныя-то, пятались, боялись и не шли; стали ихъ связывать да на саняхъ перетягивать черезъ трещину. Перетянули одну, другую, только потомъ сани стали грузнуть, лошадь еле-еле перетянули на саняхъ-то, а ледъ совсѣмъ измялся, какъ каша какая сталъ. Видятъ—дѣло плохо. Пугнули было лошадей кнутами,—авось смаху перескочатъ; лошади не идутъ, только одна бросилась смаху и затонула; мучились, мучились, вытягивали ее,—ничего не могли сдѣлать: силы-то нѣтъ да и ледъ-то мягкій. Перетащили они лошадей пятнадцать, а остальныхъ не могли; такъ ихъ, бѣдныхъ, на вѣрную смерть и оставили. Жутко имъ было на нихъ смотрѣть, а они вотъ ровно какъ будто люди, видятъ, что имъ, бѣднымъ, плохо приходится, повѣсили головы низко-низко и печально такъ смотрятъ. Мужики всплаивались. Потащились дальше; идутъ, идутъ да и посмотрятъ назадъ, а оставшіяся лошади все стоять около трещины... И тѣ, которыхъ они перетащили, тоже, говорятъ, поворачиваютъ головами-то назадъ. Потащились они еще немногоД и все имъ путь труднѣе и труднѣе дѣжался. Только до того дошло, что лошади стали на цѣломъ мѣстѣ по брюхо во льду грузнуть. Видятъ мужики—дѣло плохо,—побросали лошадей, сани и пошли одни. Двигаются кое-какъ, по колѣно въ водѣ, силы-то итти не хватаетъ, голодны, а итти надо: умирать на морѣ не хочется. Солнышко весело таково играетъ, и еще больше ихъ печалитъ, потому, того и гляди, что вся ледяная каша растаетъ.

„Господи! сколько горя тутъ было! Потомъ, когда они рассказывали, такъ, просто, морозъ подиралъ по кожѣ!.. Ну, прошли они еще, много ли, мало ли,—итти стало нельзя,—ноги ужъ очень глубоко грузнутъ во льду, а силы и совсѣмъ не стало; свалились ребята на животы и лежать на льдинѣ, почитай, совсѣмъ въ водѣ. Смотрять, селеніе наше Посольское стало видно, крестъ монастырскій на солнышкѣ играетъ. Заплакали ребята, крестят-

ся, плачутъ... Только что же? Лежать они на льду, совсѣмъ, значитъ, обезсилили, а монастырская церковь къ нимъ все ближе и ближе,—вотъ ужъ и берегъ стали различать, лодки на берегу видятъ, народъ... Крестятся ребята и дивятся—еще ближе берегъ сталъ, и тутъ только они замѣтили, что Святое море тронуло льды, и ихъ на большущей такой льдинѣ къ берегу прибиваетъ. А съ берега ужъ давно лодокъ пятнадцать отчалило и пробираются между льдинами.

„Вышли они на берегъ и пошли прямо въ церковь; собралось туда и все наше селеніе. На лицахъ у всѣхъ такая радость, и плачутъ-то всѣ и улыбаются, и ужъ я не могу вамъ, ваша милость, разсказать, каково хорошо тогда было у всѣхъ на сердцѣ. Малые ребятишки, женщины, дѣвушки, старики,—всѣ цѣлуются, обнимаются съ своими спасенными родными.

„И что же, ваша милость, наше Святое море сотворило? Вѣдь вы, просто, не повѣрите! Пока мы всѣ въ храмѣ были, благодарили Господа Бога, а море ужъ успѣло всѣ льды унести къ Баргузину; выходимъ, смотримъ: лѣто,—снаряжай судно, да и поѣзжай въ море. Вотъ оно каково, Святое море! Золота, серебра, товаровъ всякихъ, чаевъ китайскихъ много оно проглотило, а души человѣческой ни одной... Съ чаями такъ завсегда уморительно бывало. Потонуть, напримеръ, чаи и, кажется, конечно ужъ, поминай какъ звали, такъ нѣтъ: пройдетъ эдакъ недѣля-другая, всѣ ящики выплынутъ поверхъ моря и начнетъ ихъ вѣтромъ вышвыривать на берегъ. Ящики какъ ящики, а чаю въ нихъ нѣтъ. Байкалъ весь его себѣ заберетъ, рыбу имъ, видно, угощаетъ; а дѣлается эта штука, надо быть, оттого, что когда чаи-то потонутъ, кожа-то на нихъ размокнетъ, ну и начнетъ въ ней қамышевый-то ящикъ трясти въ разныя стороны, весь чай-то изъ него и вытрясетъ. Золото, такъ вотъ то не выбрасываетъ. Разъ какъ-то купецъ Ѳхаль въ Қяхту, везъ онъ тогда много золота контрабандой и все его въ Байкалѣ утопилъ. Такъ весь его экипажъ со всѣмъ добромъ и ухнулъ; зимой дѣло было, тоже передъ весной ужъ...

— Какъ же это случилось, что онъ потопилъ все?

— Экипажъ провалился подъ ледъ.
 — Какъ же онъ самъ уцѣлѣлъ?
 — А вотъ какъ. Я вамъ разскажу все это подробно. Случилось такое дѣло давно, лѣтъ пятнадцать, а то и всѣ двадцать назадъ; тогда еще я самъ корабельщикомъ былъ, по нашему Святому морю плавалъ. Теперь ужъ старъ, сталъ, и корабль мой давно на дрова ушелъ. Въ тѣ-то поры и случилось такое дѣло. Ёхалъ по Байкалу, послѣднимъ тоже путемъ, купецъ одинъ, тобольскій, кажется; ёхалъ онъ въ большомъ лѣтнемъ тарантасѣ, поставленномъ на зимній ходъ. Унасъ вѣдь здѣсь, по Забайкалью-то, надо вамъ сказать, снѣга бываютъ малые, а особенно туда, къ Китайской-то границѣ. Ну, купецъ тарантасъ свой не хотѣлъ оставлять въ Лиственичной, сколько его ни уговаривали, что, моль, такъ и такъ — опасно... нѣтъ! Заплатилъ рублей полтораста и подрядилъ везти его та-рантасъ. Потому онъ не оставилъ этого тарантаса, что онъ у него былъ съ разными секретными ящикиами, въ ко-торыхъ и было нагружено золото. Повезли купца въ та-рантасѣ; все благополучно ёхали и, почитай, что до на-шего Посольска доѣхали; осталось версты 3—4, вдругъ лошади стали грузнуть: *полынья* попала подъ нихъ, да по-лынья-то небольшая, всего сажени двѣ шириною, а передъ этимъ самымъ днемъ морозецъ стоялъ, ну ее и подернуло сверху-то ледкомъ, ямщикъ-то и не замѣтилъ, вкатилъ прямо въ полынью. Туда-сюда,—нѣтъ! Обрубилъ онъ гужи, настегнулъ коней и радъ-радъ, что они проскочили по полынѣ благополучно. Купецъ трухнуль порядочно: видѣть, тарантасъ стоитъ на тонкомъ льду, и ледъ подъ нимъ подогнулся, того и гляди — обломится и рухнетъ на дно его тарантасикъ. Послалъ онъ ямщика къ намъ въ селенье верхомъ, собирать народъ, чтобы, значитъ, на-родомъ тарантасъ вытащить съ тонкаго льда. Собралось народу человѣкъ пятьдесятъ; стоятъ всѣ въ сторонѣ, тол-куютъ, рядятся съ купцомъ. Купецъ проситъ, молить: „Ба-тушки, говорить, отцы родные, возьмите, что хотите, только вывезите мой экипажъ“, а о томъ ни слова, что въ потайныхъ ящикахъ хранится золото. Лучше было бы, когда бы онъ сказалъ да велѣлъ бы выбросить мѣшкы изъ

экипажа,—цѣлы бы они теперь были, а то побоялся... Ну, да вѣдь и то сказать—за контрабанду тогда судъ былъ строгій.

„Толковали, толковали наши посольскіе жители, а подъ ряда вывезти экипажъ не берутъ: тотъ подбѣжитъ, другой попробуетъ, да и назадъ отбѣгаеть, потому что ледъ-то подъ тарантасомъ былъ очень тонокъ. Прошло съ полчаса. Тарантасъ еще больше загрузился въ воду. А теплынь тоже была такая— страсть: ледъ такой рыхлый, что народъ толпой стоять не могъ. Упросилъ купецъ пріести веревокъ, хотѣли было веревками вытянуть экипажъ. Нанесли веревокъ и стали привязывать ихъ, гдѣ можно было. Смѣльчаки въ воду по грудь заходили, привязывали веревки-то эти, кто за колеса норовилъ засунуть, кто за козлы, кто за что могъ. Навязали этихъ веревокъ цѣлый ворохъ и хотѣли народомъ вытянуть тарантасъ; попробовали было,—нѣтъ, сила не беретъ: ужъ очень онъ грузно засѣль. Что дѣлать? Купецъ, просто, голову потерялъ, ошалѣлъ совсѣмъ: стоитъ въ сторонкѣ, глаза выпучилъ и дико такъ смотрить на свое добро. Начало смеркаться, а тарантасъ все не вытащили. Порѣшили ребята укрѣпить его за веревки на кольяхъ. Стали вбивать колья, а колья шатаются во льду, какъ въ киселѣ.

„До полночи такъ-то мучились, все думали: вотъ Богъ дастъ, къ утру подморозить и можно будетъ тогда вытянуть тарантасъ. Нечего дѣлать, купецъ волей-неволей пошелъ вслѣдъ за народомъ къ намъ въ Посольское и оставилъ на волю Божію свое добро, на рыхломъ льду въ полынѣ, да чуть не по самую половину въ водѣ. Вся надежда была только на то, что авось Господь Богъ поможетъ, пошлетъ ночью морозъ.

„Разошлись всѣ съ моря. Сталъ дождичекъ накрапывать, да такой теплый, теплый, а къ утру такимъ проливнымъ удрилъ, что и лѣтомъ-то такъ рѣдко бываетъ. Какъ купецъ эту ночь пережилъ—Богъ знаетъ, а только, надо быть, она ему не коротка показалась, и на душѣ-то, чай, не сильно легко было. Разсвѣло. Вышелъ народъ на берегъ, а тарантаса уже и слѣда нѣтъ и ледъ отъ берега унесло весь; синева такая протянулась по морю, точно лѣтомъ. Такъ

все добро купца и пропало. Захворалъ онъ сильно, слегъ, доктора ему изъ Удинска привозили. Долго онъ у нась въ Посольскомъ пролежалъ и все, сказывали, бредилъ тарантасомъ: „Веревки, говорить, покрѣпче привязывайте... вытягивай—стой!—полынья—золото!“—все вотъ такъ, сказываютъ, бредилъ и кричалъ. Мужиковъ по пяти въ это время его держали—рвался, виши, онъ у нихъ изъ рукъ то. Въ горячкѣ, надо быть, лежалъ... Прошелъ на морѣ ледъ, наступила весна—и стали мы дѣлать на томъ мѣстѣ розыски, пловцы наши ныряли, да такъ ничего не могли найти,—мѣсто-то, что ли, ужъ очень глубокое было. Да его, навѣрное, на томъ мѣстѣ-то и не было уже по веснѣ-то, унесло по дну-то невѣсть въ какую сторону. А все же о себѣ послѣ тарантасъ этотъ далъ знать: выкатило Святое море на берегъ кожаную верхушку съ тарантаса; потомъ черезъ мѣсяцъ или черезъ два тунгусы нашли на берегу, около Бургузина, козлы отъ повозки.

— А золота такъ, значитъ, и не нашли?

— Не нашли, все въ морѣ осталось. Въ немъ, полагать надо, много всякаго добра скончено.

Шаманскій камень.

(Изъ соч. Стакѣева).

Шаманскій камень находится у истока Ангары изъ Байкала. Названіе это присвоено камню потому, что, по вѣрованію бурятъ, на немъ обитаютъ онгоны—небесные духи, которыми имѣютъ непосредственное сношеніе шаманы. Каждый бурятъ убѣждѣнъ въ этомъ и, проѣзжая по берегу рѣки, мимо Шаманского камня, онъ набожно нашептываетъ свои молитвы и по временамъ пугливо исподлобья поглядываетъ на страшный для него камень.

Во время бури кругомъ камня клокочутъ и пѣнятся волны рѣки, разбиваясь въ мелкія брызги и разсыпаясь высоко въ воздухѣ.

Священное значение Шаманского камня въ быту бурятъ до того велико, что они нерѣдко прѣзываютъ изъ-за 300—400 верстъ къ этому таинственному мѣсту, чтобы заставить своего собрата, въ чёмъ-либо обвиняемаго, торжественно произнести на этомъ мѣстѣ свое отрицаніе отъ преступленія.

Перебравшись по рѣкѣ въ лодкахъ къ Шаманскому камню, буряты заставляютъ обвиняемаго выйти на самый верхъ камня и на немъ присягнуть въ присутствіи невидимыхъ духовъ въ справедливости своихъ показаній. Шумъ волнъ, разбивающихся о камень, высота надъ водою, привлекательность самаго мѣста и полное убѣжденіе въ присутствіи на камнѣ невидимыхъ духовъ,—все это разомъ дѣйствуетъ на нервную систему присягающаго, и виновный, большую частью, не можетъ скрыть своего преступленія,—онъ со страхомъ и трепетомъ сознается во всѣхъ грѣхахъ, вольныхъ и невольныхъ. Случалось, что послѣ такого испытанія, испытаемаго снимали съ камня безъ чувствъ и привозили на берегъ въ глубокомъ обморокѣ. По возвращеніи сознанія, бурятъ еще долго дрожитъ отъ страха и не можетъ попасть зубомъ на зубъ,—такъ его напугали страшные онгоны.

Поѣздка въ Тункинскую долину.

(Изъ очерк. Астырева).

Не даромъ иркутяне называютъ Ангару „красавицей“; она, дѣйствительно, хороша мѣстами; но большинство патріотовъ-иркутянъ восхищается ею съ чужихъ словъ, потому что Ангара подъ Иркутскомъ не представляетъ собой чего-нибудь особенного, а величаво-хороша она именно тамъ, гдѣ и десятой доли ея восхвалителей никогда не бывало. Роскошные виды представлять собой Ангара далеко отъ Иркутска, не ближе десятковъ и сотенъ верстъ, тамъ, гдѣ горные кряжи, одѣтые густыми лѣсами, близко надвигаются съ обѣихъ сторонъ къ быстро несущему земли и люди. IV вып.

щимся водамъ, раскидывая имъ, къ тому же, препятствія въ видѣ каменныхъ острововъ съ отвѣсно обсѣченными боками, наподобіе крѣпостныхъ стѣнъ; или гдѣ она, уже принявъ въ себя съ десятокъ также довольно крупныхъ рѣкъ, отвоевываетъ у каменныхъ громадъ русло въ версту ширины и разливается тихимъ, прямымъ, какъ каналъ, плесомъ въ нѣсколько верстъ длиною. Хороша она также у самаго истока, гдѣ грозный Байкалъ какъ бы прорывается сквозь обступившую его со всѣхъ сторонъ каменную стѣну и въ образовавшееся ущелье спѣшилъ вылить избытокъ своихъ водъ... А ихъ много, этихъ водъ — чистыхъ, какъ кристаллъ, и холодныхъ, какъ весенніе потоки, порожденные тающими снѣгами: цѣлая масса рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ ввергается въ Байкалъ съ горныхъ высотъ, а изъ него вытекаетъ одна только Ангара. У бурятъ существуетъ относительно этого остроумное сравненіе. „Разоряетъ дочка старика Байкала, — говорятъ они. — Сколько ни стараются сыновья его сносить ему со всѣхъ сторонъ добытыя ими богатства, а все растрачиваетъ мотовка Ангара, и не можетъ дальше богатѣть старикъ“.

При самомъ истокѣ Ангары изъ Байкала, среди шумящихъ ея водъ, стоитъ слишкомъ возвеличенный молвою легковѣрныхъ и любящихъ восторгаться людей „Шаманскій камень“; въ населеніи существуетъ повѣрье, что онъ, этотъ малюсенький бѣлый утесикъ, едва-едва виднѣющійся изъ омывающихъ его водъ, сдерживаетъ напоръ всѣхъ водъ Байкальскихъ, и что придетъ время, когда онъ сдастся — и тогда горе Иркутску: страшная водяная лавина ринется на городъ *) и смоетъ его, не оставивъ камня на камнѣ. Правда, подводная гряда утесовъ, образующихъ ложе рѣки при ея истокѣ, дѣйствительно, служить краемъ чашки въ 600 верстъ длиною, которую представляетъ собою Байкалъ; но край этотъ является не хрупкою стѣнкой, а сплошной каменной массой, почвеннымъ материкомъ всей этой мѣстности, и маленький утесикъ, интересный

*) Иркутскъ отстоитъ отъ Байкала въ 60 верстахъ и расположенъ на низменномъ намывномъ берегу Ангары, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой изгибъ къ сѣверу.

только тѣмъ, что вокругъ него, вслѣдствіе массы подводныхъ камней,—оглушительно шумятъ и бурлятъ ангаро-байкальскія воды, слишкомъ жалокъ для того, чтобы играть роль вѣрнаго стражи и спасителя всѣхъ прибрежныхъ селеній внизъ по Ангарѣ, а въ томъ числѣ и города Иркутска; тѣмъ не менѣе, бурятская фантазія снабдила этотъ камешекъ какими-то особенными, таинственными силами и считаетъ его за самое священное мѣсто въ предѣлахъ района обитаемаго бурятами; клятва, данная бурятомъ на Шаманскомъ камнѣ, или хотя бы только въ виду его, считается самой торжественной клятвой, шутить которою никто изъ шаманистовъ не рѣшится; поэтому обвиняемый въ чемъ-нибудь важномъ, рѣшившійся совершить этотъ обрядъ, освобождается отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и обвиненій, и его невинность должна быть съ этихъ поръ вѣдь всякихъ сомнѣній. Отъ бурятъ и русскіе переняли нѣкоторое суевѣрное уваженіе къ этому камешку; многіе даже крестятся, проѣзжая мимо него въ лодкахъ.

Отправляясь въ Тункинскую долину изъ Иркутска, мы пересѣчемъ Ангару только разъ на плашкотѣ *) подъ са-

*) Сибирскіе плашкоты, по своему устройству, существенно отличаются отъ обыкновенныхъ русскихъ поромовъ: по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ и не слышалъ, чтобы въ центральной и южной Россіи дѣйствовали суда, похожія на нижеписанное. Общее устройство плашкота напоминаетъ маятникъ: на длинномъ канатѣ, прикрепленномъ къ мертвому якорю, который опущенъ посреди рѣки, ходить отъ одного берега къ другому платформа, состоящая изъ двухъ лодокъ съ настилкой, носомъ обращенныхъ противъ теченія, и съ двумя большими рулями, соединенныхъ въ общую систему посредствомъ шестерни съ зубчатого стержня; канатъ поддерживается надъ водою десяткомъ и болѣе лодокъ, на которыхъ онъ поконится. Плашкотъ, отвязанный отъ пристани, напримѣръ, съ лѣваго берега, силою теченія отводится отъ нея; тогда рулемъ дается такое направленіе, чтобы струя ударяла въ правый бокъ плашкота, вслѣдствіе чего онъ направляется носомъ къ правому берегу и плавно подходитъ къ нему, дѣлая отъ 20 до 30 саженъ въ минуту. Если плашкотъ отходитъ отъ праваго берега, то руль кладется направо, струя бьетъ въ лѣвый бокъ посудины и приближаетъ ее къ лѣвому берегу. Такимъ образомъ, движенія эти напоминаютъ качаніе маятника. Плашкоты удобны

мымъ городомъ и больше съ нею не встрѣтимся, а отъ озера Байкала увидимъ только самый южный заливъ его, у села Култукскаго. Но съ тѣми горными отрогами Саяна, которые обступаютъ Байкалъ и стѣсняютъ бѣгъ Ангары, мы начнемъ имѣть дѣло со второй же станціи отъ Иркутска: мы будемъ, безъ передышки, то спускаться въ глубокія пади, отдѣляющія одну гору отъ другой, то карабкаться по длиннымъ и крутымъ подъемамъ на гряды этихъ хребтовъ. Тяжела эта дорога, но она вознаграждается чудными видами, которые раскидываются каждый разъ передъ вашими глазами, когда запыхавшаяся тройка почтовыхъ коней преодолѣеть одинъ изъ такихъ подъемовъ. Далеко, куда только взоръ хватить, волнобразно высятся одна надъ другою то острыя, то округленныя вершины горъ и холмовъ, съ ногъ до головы одѣтыхъ таежною растительностью, хмурою, угрюмою, но величавою въ своей несокрушимой мощи. На болѣе свѣтлыхъ фонахъ лиственница и березъ мрачными пятнами выдѣляются пушистые пихты; высоко вздымається къ небесамъ свои могучія вѣтви царь сибирскихъ лѣсовъ — роскошный кедръ; почти на одномъ уровнѣ съ нимъ красуются золотисто-зеленыя короны его неразлучныхъ подругъ — гигантскихъ сосенъ; пониже, къ подножію горъ, тѣсно толпятся скромно одѣтыя чернички — короткоиглыя ели съ мшистыми стволами; и все это тянется изо всѣхъ своихъ силъ въ высъ, поближе къ источнику свѣта, къ блещущему въ лазурной вышинѣ солнцу, лучи котораго, однако, оказываются мѣстами безсильными пробить этотъ толстый покровъ хвои и теряются въ немъ, не достигая земли. Тихо кругомъ, какъ можетъ быть тихо въ совершенно безлюдномъ мѣстѣ, вдали отъ всякаго мірского гомона и суеты; безмолвно стоять лѣсные гиганты, какъ бы удивляясь вашему дерзкому появленію среди нихъ, — развѣ изрѣдка прошумитъ порывъ полуденного вѣтра въ вершинахъ кедровъ и сосенъ; но

тѣмъ, что они требуютъ работы только одного человѣка — рулевого, да еще развѣ причальщика, складывающаго и накидывающаго чалки на пристаняхъ. На пути изъ Томска до Иркутска встрѣтчается около десяти перевозовъ подобнаго рода.

здесь, внизу, въ вашемъ ничтожествѣ, вы не чувствуете ни малѣйшаго движенія воздуха: только такая буря, которая сокрушає сотнями одряхлѣвшіе отъ старости лѣсные гиганты, имѣеть достаточно силъ, чтобы проникнуть сквозь чащу до нижнихъ вѣтвей деревьевъ и привести ихъ въ колебаніе.

Любопытное зрѣлище представляеть собою участокъ тайги, по которому пронесся разрушительный ураганъ: огромные стволы вѣковыхъ деревьевъ, аршина по два въ поперечникѣ, лежать рядами, вырванные съ корнемъ, всѣ верхушками въ одну сторону, какъ подкошенный бурьянъ; лѣсная дорожка вѣется ужомъ между этими преградами, но не стѣсняется перекидываться черезъ менѣе крупные стволы, въ 10—12 вершковъ толщины, не огибая ихъ: такую лѣсину легко перешагнетъ привычная къ таежнымъ тропамъ верховая лошадь; да и легкія сани, при помощи ямщика, перевалятъ кое-какъ черезъ эту преграду, сначала поднявшись передкомъ къ небу, а потомъ ринувшись внизъ и тряхнувъ всѣ внутренности злосчастнаго путника; о колесныхъ же путяхъ сообщенія въ этихъ медвѣжьихъ участкахъ нечего пока и думать. Не легко ъхать слабо-нервнымъ людямъ по трактамъ, въ родѣ круго-байкальскаго, по которому надо сдѣлать четыре станка до поворота на тункинскій трактъ: высоко-высоко надъ головою вашей, когда вы ъдете по узкимъ и глубокимъ падямъ, виднѣются облѣпившія скаты горъ огромныя деревья; снизу они кажутся небольшими вѣточками, воткнутыми шалунами-ребятишками игры ради въ рыхлую землю; масса такихъ же „вѣточекъ“, сломанныхъ бурею или неудержавшихся, по своей тяжести, на каменистой почвѣ, не дававшей ихъ корнямъ уходить въ глубь и укрѣпляться, — лежитъ на самыхъ скатахъ пади, задержанная въ своемъ паденіи еще стоящими деревьями. А сильный вѣтеръ шумить гдѣ-то тамъ наверху... Вы смотрите туда, засинувъ голову назадъ, и невольно соображаете, что останется отъ васъ и отъ всей вашей тройки, если такая пятнадцати-саженная вѣточка слетитъ съ этой сто-саженной высоты въ то время, какъ вы здѣсь шагомъ карабкаетесь по подъему?

— А что, если такая воть штука да упадетъ на насъ? — спрашиваю я своего спутника, уже видавшаго сибирскіе виды на свое мѣсто.

— Гм... да если еще въ самыи глазъ угодить, — плохо придется!.. — отвѣчаетъ невозмутимо онъ и аппетитно укладывается спать, отвернувшись въ уголъ повозки.

Но постепенно и вы привыкаете къ этому роду сильныхъ ощущеній и хладнокровно созерцаете нависшіе надъ вами стволы, и узенькую полоску тракта, отдѣленную отъ глубокаго обрыва нѣсколькоими жидачными столбиками, изрѣдка разставленными, и крутые спуски съ высокихъ горъ, по которымъ вы мчитесь сломя голову, чтобы нагнать время, потерянное на медленный подъемъ шагомъ въ эту же гору. Въ Сибири ямщики возятъ, вообще, совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаютъ ихъ далекіе собратья по ремеслу на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ Европейской Россіи: русскій ямщикъ любить ъздить ровненькою трусцой, верстъ по 8 въ часъ, рѣдко болѣе; устанутъ слабыя лошаденки, онъ ъдетъ шагомъ, а потомъ опять трусцой, выматывая душу у нетерпѣливаго сѣдока. Сибирскій средний ямщикъ имѣеть крѣпкихъ коней и дѣлаетъ на нихъ по 11—12 верстъ въ часъ (попадаются, конечно, такие, которые едва-едва натягиваютъ узаконенные 10 верстъ, но есть зато лихачи, отмахивающіе по 15-ти и 18-ти; но тѣ и другіе представляютъ собой исключеніе, никогда не пуская лошадей шагомъ, кроме какъ на длинныхъ и крутыхъ подъемахъ, — маленькие же онъ „беретъ“ однимъ духомъ, пуская всю тройку вскачъ. Онъ ъдетъ все время крупной рысью и пользуется спусками, чтобы превратить эту рысь въ бѣшеную скачку, лишь бы кони поспѣли за раскатившейся телѣгой; а чтобы дать вздохнуть лошадямъ одинъ или два раза на протяженіи станка, смотря по длини его (обыкновенный станокъ верстъ 20—25, но есть и въ 30—35 верстъ), останавливаетъ ихъ, слѣзаетъ съ козель, поправлять упряжь, выкурииваетъ трубочку и послѣ 3—5 минутъ отдыха вскакиваетъ на свое мѣсто и съ какимъ-нибудь возгласомъ въ родѣ: „Эхъ, миляя, царапайся!“ — летить въ атаку на новый горный подъемъ. Такая ъзда гораздо веселѣе и удобнѣе для пассажировъ. Пріемы ям-

щиковъ до нѣкоторой степени характеризуютъ самый нравъ населенія, какъ Россійскаго, уже привыкшаго къ умѣренности и бережливости, такъ и сибирскаго, еще имѣющаго много случаевъ показать свою удаль, менѣе дорожащаго „животиной“, которую ему, богачу по сравненію съ русскимъ, гораздо легче и нажить и прожить.

Много вліяетъ, въ этомъ отношеніи, и самая огромность разстояній сибирскихъ: съ нынѣшней русской Ѣздой тамъ далеко не уѣдешь.

Но вотъ и Култукъ—селеніе десятковъ изъ семи дворовъ, притиснутое горными кряжами къ самому Байкалу. Отсюда представляется роскошный видъ на это сибирское „море“: опоясывающіе его хребты тянутся по обѣ стороны, сначала темные, потомъ постепенно становятся фіолетовыми и, наконецъ, сливаются съ голубою далью, только слегка вырѣзываясь изъ нея на правомъ берегу нѣжно серебристой полосою своихъ оголенныхъ вершинъ, называемыхъ поэтому „гольцами“. Какъ зеркало спокойно озеро; легкой дымкой затянутъ горизонтъ...

Но то, чѣмъ вы, заѣзжій человѣкъ, такъ любуетесь и восхищаетесь, составляетъ предметъ тихой ненависти култуковцевъ: въ окружающихъ ихъ горахъ они находятъ едва-едва по три-четыре десятины на дворъ годной подъ пашни земли; тайга высыпаетъ на ихъ немногочисленныя стада хищныхъ звѣрей; Байкалъ годъ отъ году даетъ имъ меньше рыбы... Поэтому-то житель култукскій занимается десяткомъ другихъ дѣлъ, кромѣ земледѣлія, замѣняя одно другимъ, смотря по времени года: онъ ходить въ извозъ и содѣржитъ постоянные дворы весною и осенью, когда чрезъ Байкалъ нѣть ни санного пути, ни пароходнаго сообщенія; онъ охотникъ позднею осенью и зимою; онъ собираетъ кедровые орѣхи въ сентябрѣ; онъ рыболовъ лѣтомъ и онъ... контрабандистъ круглый годъ. Послѣднее его занятіе (конечно, не всѣ култуковцы къ нему причастны, но опытные люди увѣряютъ, что большинство изъ нихъ не совсѣмъ чисто передъ закономъ), обусловлено слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ Култукѣ помѣщается таможня, преграждающая доступъ по круго-байкальному тракту въ Иркутскую губернію китайскимъ товарамъ, обращающимъ

ся безпошлино въ Забайкальѣ; но култуковцы знаютъ, кромѣ тракта, потайныя горныя тропинки въ своихъ гольцахъ, а таможенныхъ надсмотрщиковъ немного, и люди они пришлые, съ мѣстностью незнакомые; такъ почему же, разсуждаютъ култуковцы, самою природою, ихъ окружающею, осужденные на промысловый, не земледѣльческій образъ жизни,—почему же и не заработать исподволь, въ теченіе года, по нѣсколько десятковъ рублей на брата, за счетъ казны, которая и такъ богата?.. И зарабатываютъ понемногу, смотря по ловкости и удали каждого.

До сихъ поръ, до Култука, вы ѿхали въ юго-восточномъ направленіи отъ Иркутска; теперь круго-байкальскій трактъ остается у васъ въ сторонѣ,—онъ начинаетъ загибать къ сѣверу, въ обходъ моря; вы же круто сворачиваете къ юго-западу; эти два направленія пути въ Тунку и прямой уголъ, ими образуемый, обусловливаются течениемъ рѣки Иркута, который описываетъ большіе зигзаги, пробираясь между горными кряжами. Рѣка эта довольно большая, но совершенно неудобная для судоходства, по случаю массы пороговъ и каменистыхъ островковъ; берега ея круты и высоки: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она течетъ, или вѣрнѣе, бурлитъ между двумя совершенно отвесными стѣнами, образующими подобіе обширнаго коридора. Тункинская долина, въ которую вы теперь направляетесь, составляетъ прирѣчную низменность Иркута и другой рѣчки, Тунки, впадающей въ Иркутъ; долина эта, то суживающаяся до 2—3 верстъ сдѣлающимися хребтами гольцевъ, которые тянутся по обѣимъ ея сторонамъ, то расширяющаяся до 15—20 верстъ, чтобы опять сузиться къ южному ея концу,—долина эта какъ бы отрѣзана цѣлою массой горныхъ переваловъ отъ болѣе сѣверныхъ, ровныхъ и низменныхъ районовъ Иркутской губерніи, сравнительно, густо заселенныхъ. Черезъ эти горные перевалы, глубокія пади и шумящія рѣчки приходится ѿхать еще полтора перегона, то-есть до станціи Быстринской, первой отъ Култука, и далѣе до половины перегона къ слѣдующей станціи, Торской. Каждый разъ, какъ вѣзжаешь на какую-нибудь гору, глядишь и глазъ оторвать не можешь отъ чудеснаго вида на тункинскіе гольцы, или „блѣлки“, какъ ихъ назы-

ваютъ по той ихъ особенности, что снѣгъ на вершинахъ ихъ, въ мѣстахъ защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей, сохраняется почти круглый годъ: онъ сходитъ только недѣли на двѣ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля мѣсяцевъ; такимъ образомъ эти бѣлки съ нѣкоторой натяжкой могутъ быть причислены къ разряду горъ, достигающихъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Но еще одна особенность выдѣляетъ ихъ изъ числа другихъ горныхъ хребтовъ этой мѣстности, именно: тункинскіе бѣлки не имѣютъ характерно выраженныхъ предгорій и сразу вырастаютъ весьма крутыми или даже почти отвесными склонами на ровной низменной долинѣ, не представляющей собой мѣстами сколько-нибудь замѣтныхъ повышеній до самаго подножія хребта,— это особенно бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ уголкахъ Коймарской долины, болотистой и кочковатой, прорѣзанной множествомъ рѣчекъ и ручьевъ: вы можете мѣстами вплоть подойти къ самому хребту гольцевъ и, не нагибаясь, коснуться руками твердыни, вздымавшейся къ небесамъ передъ самымъ лицомъ вашимъ.

Помню, однажды вечеромъ, когда уже было темно, я пріѣхалъ въ одинъ бурятскій улусъ, самый дальний изъ тѣхъ, которые расположены въ мѣстности, называемой Коймарами и, какъ мнѣ говорили, лежащей всего въ 2—3 верстахъ отъ подножія бѣлковъ; переночевавъ, я при первомъ проблескѣ зари вышелъ изъ избы... и замеръ, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ: прямо передо мною, подавляя своей массой, высилась и ширилась, покуда глазъ хваталъ, огромная каменная громада, еще мрачная внизу, гдѣ царствовали предутреннія сумерки, и уже начинавшая свѣтлѣть на высотѣ,—тамъ, гдѣ клубились, свертывались, развертывались и извивались, какъ гигантскія змѣи, длинныя полосы и мягкия толщи утренняго тумана. Граница мрака постепенно спускалась книзу, уступая свѣту, и каменная громада все ярче окрашивалась въ цвета радости и юности—розоватый и голубой; кое-гдѣ разрывалась на время завѣса тумановъ, давая возможность жадно заглянуть туда, въ манящую высь, гдѣ гордо красовались, ослѣпительно сияя подъ лучами утренняго солнца, остроребрыя вершины хребта; синими и темно-фиоле-

товыми полосами вырисовывались ущелья и разсѣлины, составляя эффектную противоположность со свѣтлыми обликами вершинъ; и всему этому волшебному рисунку мрачныхъ и нѣжныхъ, темныхъ и яркихъ красокъ служило фономъ блѣдноголубое утреннее небо...

Картина была роскошная, способная поразить своими эффектами жителя равнинныхъ, однообразныхъ мѣстностей Россіи; хотѣлось бы вѣчно глядѣть на эту величавую красоту горныхъ вершинъ, наблюдать переливы красокъ и тѣней на ихъ выступахъ и въ разсѣлинахъ; хотѣлось громко восторгаться изяществомъ то волнообразной, то причудливо-изломанной линіи хребта, какъ будто рѣзцомъ проведенной на лазурномъ фонѣ небесъ.

— Какъ хорошо!—невольно воскликнулъ я.

Стоявшій со мною бурятъ удивленно посмотрѣлъ на меня, потомъ радостно улыбнулся, — онъ понялъ въ чемъ дѣло и сочувственно отвѣтилъ мнѣ на своемъ ломаномъ языѣ:

— Больша, ухъ, кака больша гора! Но худой гора, звѣрь мало, промышлятьходить далеко надо—за гора...

Послѣдній спускъ съ горнаго хребта, кольцомъ обхватившаго Тунку,—и вотъ вы вѣзжаете въ эту долину, гдѣ протекаютъ рѣки Иркутъ, Тунка, Талая, Ахалихъ, Кынгырга и десятки другихъ. Всѣ онѣ имѣютъ горный характеръ; въ обыкновенное время скромно шумящія въ своихъ каменныхъ руслахъ, онѣ въ сильные дожди или въ периодъ таянія снѣговъ въ горахъ обращаются въ бѣшеные горные потоки, которые съ шумомъ и ревомъ ворчаютъ и уносятъ съ собою громадные камни, по аршину въ диаметрѣ и болѣе, рвутъ прибрежныя деревья съ корнемъ, сносятъ безчисленныя маленькия мельнички, устроенные на нихъ, и прерываютъ всякое сообщеніе, потому что мостовъ здѣсь почти нѣтъ,—безполезно и разорительно было бы ихъ дѣлать тамъ, гдѣ исключительноѣздятъ верхомъ и гдѣ обычной постройки мосты могутъ существовать лишь до первого паводка.

Буряты.

(Изъ кн. „Народы Россіи“, изд. журн. „Природа и Люди“.)

Между народами, обитающими въ Сибири, буряты, по многимъ даннымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они съ незапамятныхъ временъ населяютъ мѣстность кругомъ озера Байкала, преимущественно Иркутскую губернію и Забайкальскую область вплоть до китайской границы.

Что касается до происхожденія бурятъ, то безошибочно можно сказать, что они потомки монголъ: это отчасти подтверждается и тѣмъ, что языкъ ихъ очень сходенъ съ языкомъ китайскихъ монголъ, равно какъ и сходство по образу жизни указываетъ на то, что два эти народа суть только вѣтви одного и того же племени.

Буряты, живущіе къ западу отъ Байкала, болѣе или менѣе сблизились съ русскими, ведутъ большею частью осѣдлую жизнь. Буряты же, живущіе на востокѣ отъ Байкала, напротивъ того, недовѣрчиво относятся къ русскимъ и ревностно стараются сохранить свою національность.

Буряты, подобно монголамъ, имѣютъ цвѣтъ кожи коричнево-бронзовый, лицо широкое и плоское, ность небольшой и приплюснутый; глаза у нихъ маленькие, косо расположенные, большею частью черные; уши большія и далеко отстоятъ отъ головы; ротъ большой, борода рѣдкая; волосы на головѣ черные. Принадлежащіе къ духовному званію подстригаютъ волосы на передней части головы, а сзади носятъ косу, въ которую, для большей густоты, нѣрѣдко вплетаютъ конскіе волосы.

Росту буряты средняго или малаго, но крѣпко сложены. Характеръ бурятъ отличается скрытностью. Они обыкновенно миролюбивы и кротки, но злы и мстительны, когда ихъ оскорбятъ. По отношенію къ своимъ родичамъ, они сострадательны и никогда не откажутся помочь бѣдному. Несмотря на внѣшнюю грубость и неразвитость, между бурятами въ высшей степени развита любовь къ ближне-

му, честность и справедливость; и хотя это въ большинствѣ случаевъ ограничивается только предѣлами своей одноулусной семейно-родовой общины, но есть также между ними и такія личности, у которыхъ эти прекрасныя качества простираются на всѣхъ людей безъ исключенія, къ какой бы они націи ни принадлежали.

По образу жизни буряты дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Осѣдлыхъ буряты не болѣе 16-ти тысячъ. Они усвоили много русскихъ обычаевъ и мало отличаются отъ нихъ по образу жизни. Кочевники же живутъ иначе, какъ мы сейчасъ увидимъ. Что касается до общественного быта буряты, то они придерживаются и понынѣ первобытной родовой общины. По широкой степи оазисами разбросаны группы восьмиугольно-круглыхъ юртъ. Кругомъ жердяныя загороди, а въ загородкахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія, большою частью перенятые изъ русско-крестьянского домохозяйства, хотя часто съ оригиналными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства.

Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большою частью видъ круга. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе юртъ съ разными пристройками. Въ одной изъ такихъ юртъ живетъ старшій въ семье буряты, стариkъ со старухою, иногда съ какими-нибудь сиротами-сродственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юртѣ, живетъ сынъ этого старика съ женою и съ дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди, по обѣ стороны юрты отца *). У всего этого единокровнаго, семейно-родового круга, пашни, покосы, утуги, скотъ—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ; вообще, при всякой „жаренинѣ“, при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе, рядомъ, вблизи, въ другой по-

*) Буряты часто строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ.

добной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напримѣръ, его братъя съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ—и тутъ опять, въ одной общей загороди посрединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Далѣе въ болѣе отдаленныхъ загородяхъ, живутъ болѣе отдаленные родственники и называемые уже „сосѣдями“. Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ и повторяютъ ту же организацію, тотъ же строй улусной родовой общины.

Русскіе сибирскіе крестьяне говорятъ про бурятъ: „Да, у братскихъ не по-нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣлять всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ“. И это, дѣйствительно, такъ; если, напримѣръ, въ какой-нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ „жаренину“, то буряты всѣхъ сосѣднихъ, одноулусныхъ юртъ могутъ, не стѣсняясь, ити на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлять мясо всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, жиръ—по ровнымъ частичкамъ. Надо отдать справедливость бурятамъ, что они гораздо болѣе способны къ организаціи рабочихъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ наши русскіе сибирскіе крестьяне.

Но самое замѣчательное выраженіе артельного начала представляетъ такъ называемая *аба*—большая звѣро-промышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ. „Аба“—это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошие, приплодные и урожайные годы. Обыкновенно съ осени собираются буряты, человѣкъ до 1,000—1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собою лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собою въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и прочаго, и все это складывается въ общей артельный запасъ. Выбираютъ всѣ изъ одного и того же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостою и судьею артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждого провизію, вѣшаetъ ее на руку: возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ, точно

ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣшать именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельнаго старшину. Передъ отправкою на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старику—главному общему артельному старостѣ и судьѣ—по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельній союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу.

Вообще, вся организація артели основана на строжайшемъ обеспеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельній староста и судья строго наблюдаетъ за согласiemъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ. Въ случаѣ споровъ или, вообще, какого-нибудь нарушенія артельнаго согласія судитъ ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры.

Судъ происходитъ тогда, когда сходятся всѣ въ какомъ-нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели пропадетъ въ чемъ-нибудь, то на собраніи всей артели берутъ у виновнаго шапку, кладутъ ее посрединѣ стойбища, и главный артельній староста или судья, стариkъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взываетъ къ тэнгери-бурхану, заклинаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ и, наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ, въ воздухъ, надъ самою шапкою; если стрѣла упадетъ на шапку, значитъ—обвиняемый, дѣйствительно, виноватъ.

Точно такъ же если кто-либо изъ артельщиковъ что-нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непремѣнно долженъ представить ее общему артельному старостѣ. Тотъ, опять на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потеряная вещь. Потерявшій вещь членъ артели выходитъ и получаетъ ее при всѣхъ.

Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные приготавители пищи. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хотя даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлить звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому

для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ, всѣ добытые звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся поровну, подъ контролемъ артельнаго суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская звѣропромышленная, облавная артель, называемая *абою*.

Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты разсказываютъ о ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о священномъ учрежденіи предковъ.

Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ. Такъ, во всѣхъ улусныхъ общинахъ, безродные сироты, бѣдные, ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ собственнымъ жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами, безъ всякаго спросу, взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстного, и сродичи, одноулусники, за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержать на свой счетъ.

У бурятъ никогда не существовало рабства; они и до сихъ поръ не нанимаютъ по рядѣ въ работники своихъ же бурятъ, особенно одноулусныхъ, однородныхъ, а нанимаютъ на сроки за условную плату русскихъ. А свои работники — безсемейные бѣдняки буряты — считаются не службами, а равноправными членами семьи.

Во главѣ бурятского управлениія стоитъ *тайша*, онъ же и начальникъ *степной думы* (въ родѣ нашего волостного правлениія). Въ степной думѣ всѣ начальствующія лица — старосты, старшины, десятники, сборщики податей и прочее — некрещеные буряты. Расходы на *сугланъ* (мірской сходѣ) падаютъ на ясачныхъ, такъ называются крещеныхъ бурятъ. Единственное богатство бурятъ составляетъ скотоводство. Стада состоятъ изъ коровъ, лошадей и овецъ (овцы почти всѣ бѣлыя съ черными головами). Стада, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, пасутся по степи; только молодой скотъ во время суроваго времени года остается въ юртахъ вмѣстѣ съ хозяевами. Буряты почти не имѣютъ свиней и домашней птицы, для которыхъ необходимо было бы заготовлять зимніе запасы.

Забайкальские буряты рѣдко занимаются земледѣліемъ; но если и имѣютъ небольшія поля, то орошаютъ ихъ искусственнымъ образомъ, отъ чего они большею частью получаютъ хорошие урожаи, между тѣмъ какъ русскіе часто жалуются на неурожаи вслѣдствіе засухи.

Буряты же, по эту сторону Байкала, напротивъ того, много занимаются земледѣліемъ, которому они научились у русскихъ.

Главный промыселъ бурятъ — скотоводство; звѣроловный промыселъ у нихъ распространенъ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, у тунгусовъ. Что касается до занятій, то они распределены между мужчинами и женщинами такъ: мужчины присматриваютъ за пасущимся скотомъ, строятъ юрты и приготовляютъ хозяйственныя принадлежности — стрѣлы, луки, сѣдла и другія части конской сбруи. Они искусные кузнецы; сами отдѣлываютъ металлы въ маленькихъ ручныхъ печахъ и довольно щеголевато убираютъ ими конскую сбрую. Женщины занимаются приготовленіемъ войлоковъ, выдѣлываніемъ кожъ, плетеніемъ веревокъ изъ конскихъ волосъ, дѣлаютъ изъ жилъ нитки, кроять и шить всевозможную одежду себѣ и мужьямъ своимъ и, какъ монголки, искусно вышиваютъ тонкіе узоры на одеждѣ и обуви.

Положеніе женщинъ у бурятъ — самое печальное: въ семье она чисто рабочее животное, поэтому рѣдко встрѣчаются между ними здоровыя женщины. Сморщенное лицо, костлявые руки, неловкая походка, тупое выраженіе глазъ и грязными плетями свѣшивающіяся косы — вотъ обыкновенный видъ. Женщина, по-бурятски *изи*, взятая изъ чужого дальнаго рода, является въ бурятской общинѣ рабою въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Она все въ юртѣ дѣлаетъ — и коровъ или кобылъ доить, и дарусунъ, то-есть водку, гонить, и шубы и турсуки берестяные шить, и войлоки вываливать и прочее. *Басаганъ* же, девушка, не только не раба, но пользуется особынной любовью, почетомъ, подарками, воспѣвается въ пѣсняхъ, какъ подруга *налагайра хубунъ* — хорошихъ парней.

Жилища большей части забайкальскихъ бурятъ состоятъ изъ войлочныхъ юртъ. Онъ бываютъ отъ 15 до 25 футовъ (отъ 6 съ половиной до 11 аршинъ) въ поперечникъ и чаще всего имѣютъ форму островерхую. Эти юрты дѣлаются изъ жердей, воткнутыхъ въ землю, оконечности которыхъ вверху сходятся,—самая же жерди обтянуты, большей частью, внутри нѣсколькими рядами войлока. Наверху находится отверстіе для дыма, которое можетъ быть закрыто крышкой; входъ въ юрту, представляющій низкую, часто деревянную дверь, всегда обращенъ къ югу. Полъ этого жилища составляетъ очищенная отъ травы земля, на которой стоитъ юрта; посрединѣ ея подъ отверстіемъ, сдѣланнмъ вверху, находится очагъ, обыкновенно состоящій изъ четыреугольнаго деревяннаго ящика, выложенаго внутри глиной. По стѣнамъ идетъ возвышеніе, на которомъ спать обитатели юрты и стоять различныя хозяйственныя принадлежности, сундуки и шкафы, служащіе для храненія одежды, украшеній и прочаго; тутъ же всегда находится небольшой жертвенный столикъ, на которомъ ставятъ изображенія боговъ, жертвенные сосуды, благовонныя свѣчи.

Нынѣ большая часть бурятъ, оба пола, начали носить для нижняго бѣлья мужской крестьянскій костюмъ, то-есть рубаху и штаны русскаго покроя, у женщинъ всегда изъ синей *дабы*; а сверхъ нихъ надѣвается верхній костюмъ; иногда мужчины поверхъ лѣтней или зимней одежды надѣваютъ *курану* (родъ кофты съ рукавами); моду эту они заимствовали у китайцевъ. Нѣкоторые буряты носятъ суконныя шинели (синія или черныя) съ разрѣзомъ назади для удобства при верховойѣ Ѣздѣ; покрой дыгила и шубы ламъ (духовныхъ лицъ) отъ простыхъ бурятъ отличается тѣмъ, что у первыхъ они походятъ на обыкновенный халатъ съ открытымъ воротомъ; у прочихъ же бурятъ на груди нашиты узкія полосы чернаго, краснаго или синяго сукна или плиса, въ нѣсколько рядовъ вдоль и поперекъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ; нашивка эта по формѣ напоминаетъ чертежъ какого-нибудь карниза. Верхняя одежда стягивается въ талии кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ, и земли и люди. IV вып.

кисетъ для табаку. Буряты никогда не разлучаются съ маленькой металлической трубкой, называемой ганзою. Шапка или шляпа у нихъ часто украшена красной кистью, сдѣланной изъ шелку, крашеныхъ конскихъ волосъ или изъ перьевъ. Шапки эти у богатыхъ бурятъ имѣютъ круглую форму, въ подражаніе китайскимъ. Мужчины бреютъ головы, но не часто, оставляя на верхушкѣ хохолъ, который заплетаютъ косою. Ламы же бреютъ всѣ волосы. Въ конецъ косы, для красоты, вплетаютъ шелковую или бумагную кисть.

Крещеные буряты стараются по возможности подражать въ костюмѣ русскимъ, за что ихъ и величаютъ *хафамангутъ*, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ: „черный лѣшій“, такъ какъ словомъ *мангутъ* (лѣсной чортъ) буряты втихомолку называютъ русскихъ.

Женская одежда много похожа на мужскую, но только болѣе украшена. Такъ, напримѣръ, кафтанъ у женщинъ часто имѣеть цвѣтную оторочку, а на спинѣ вставки краснаго цвѣта. Чѣмъ богаче бурятка, тѣмъ болѣе на ней маржанъ въ серебряной оправѣ (красныхъ корольковъ изъ коралла), серебряныхъ привѣсь замысловатой формы и даже серебряныхъ монетъ. Женщины отпускаютъ себѣ волосы какъ можно длиннѣе,—это считается у нихъ красотою; если волосы рѣдки, то женщины прибавляютъ къ нимъ фальшивые локоны, часто сдѣленные изъ конскихъ волосъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ толстыя косы, которые висятъ по сторонамъ головы и часто бываютъ соединены одна съ другой металлическими кольцами; самыя косы спрятаны бываютъ въ чехлахъ изъ чернаго бархата, съ украшеніями изъ малахита, коралла, перламутра, серебра, латуни, раковинъ и прочаго. Кромѣ того, для наряда употребляются серьги, часто весьма большія и тяжелыя, ожерелья и перстни. На головѣ женщины носятъ уборъ, въ родѣ обруча съ маржанами, а бѣдныя—съ китайскими корольками, приготовленными изъ какой-то мягковатой массы, подъ цвѣтъ коралла, въ посеребренной или даже желѣзной оправѣ; уборъ этотъ очень рѣдко снимается съ головы. Костюмъ дѣвушки отличается тѣмъ, что она не носить *уджи* (безрукавой курмы) и головного

убора, которые составляютъ принадлежность костюма замужнихъ женщинъ. Общая принадлежность костюма какъ женщины, такъ и дѣвушки, - красная лента черезъ плечо, вершка 2 или 2 съ половиной шириной, завязанная у пояса бантомъ и съ опущенными концами. Она надѣвается черезъ лѣвое плечо. Къ щегольству же должно отнести ручные кольца, всегда серебряныя и притомъ массивныя; у нѣкоторыхъ на обѣихъ рукахъ можно насчитать съ полу-десятка широкихъ, часто съ вырѣзанными печатями колецъ.

Дѣвушки убираютъ голову иначе, чѣмъ замужнія женщины. Онѣ заплетаютъ волосы въ множество косъ, часто до 20, которая откидываются назадъ и доходятъ нерѣдко до икръ; сверхъ того косы эти украшаютъ онѣ кораллами, серебряными монетами, мѣдными и свинцовыми пластинками, шелковыми кисточками и прочимъ.

Женщины такъ же, какъ и мужчины, курятъ табакъ и на поясѣ всегда имѣютъ трубку, кисетъ и приборъ для добыванія огня.

Пища бурятъ обусловливается ихъ кочевою жизнью. Она состоитъ изъ мяса всякаго рода, преимущественно же изъ жирной баранины; молоко въ разныхъ видахъ, кирпичный чай съ молокомъ или затураномъ *), сафаны **)—это главная пища, а затѣмъ уже хлѣбъ. Соли буряты употребляютъ очень мало, большую частью только прибавляютъ ее для вкуса въ чай. Кромѣ соли, въ чай прибавляютъ гуджиру, отчего чай, по ихъ мнѣнію, дѣлается мягче, вкуснѣе. Самоваръ это уже роскошь, а всегда варятъ чай на свое мѣсто очагѣ, въ чугунной чашѣ. Въ этой же чашѣ варятъ всякую пищу. Посуду не чистятъ, а такъ слегка обтираютъ какой-нибудь грязной тряпкой. Вилокъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ руками. У каждого бурята и бурятки непремѣнно на поясѣ, вмѣстѣ съ ганзою ***); огнивомъ, табачнымъ кисетомъ, ви-

*) Мука, поджаренная на бараньемъ салѣ или маслѣ.

**) Луковица полевой лилии; копается она раннею весною и осенью; тогда она бываетъ очень сладкая; кромѣ того, осенью вынимается она изъ мышиныхъ гнѣздъ; мыши запасаютъ ее на зиму.

***) Небольшая мѣдная трубка, преимущественно изъ желѣзной мѣди, иногда выплавленная вмѣстѣ съ чубукомъ, то-есть цѣльная.

сить ножъ. Этимъ ножомъ буряты, взявши кусокъ мяса въ зубы и придерживая его лѣвой рукой, правой ловко отрѣзаютъ подлѣ самой губы, снизу вверхъ. Надо удивляться ловкости и проворству, съ какими они дѣйствуютъ этимъ ножомъ, не отрѣзая вмѣстѣ съ мясомъ ни губы, ни носа.

Табакъ курятъ всѣ—мужчины, женщины и даже пятилѣтнія дѣти изъ мѣдной ганзы.

Первоначальная религія бурятъ *шаманизмъ*, то-есть вѣрованіе въ духовъ, называемыхъ *онгонами*; онгоны, по понятію бурятъ, владычествуютъ надъ стихіями, горами, рѣками и прочимъ, и покровительствуютъ человѣку. Буряты-шаманисты вѣрятъ, что шаманы достигаютъ вѣдѣнія тайнъ онгоновъ и могутъ предсказать судьбу каждого человѣка. Въ концѣ XVII столѣтія забайкальскіе буряты приняли буддизмъ, часть же бурятъ, живущая по сю сторону Байкала, осталась вѣрною шаманизму. Слѣдовательно, по вѣроисповѣданію, буряты дѣлятся на ламаистовъ, или, что то же, буддистовъ и шаманистовъ. Первые имѣютъ особое жреческое сословіе — ламъ; а послѣдніе не имѣютъ его, то-есть въ смыслѣ особаго сословія. Ламы отличаются нѣкоторымъ образованіемъ: они обязаны знать въ совершенствѣ разныя ученыя сочиненія, кроме того отъ нихъ требуется практическое и теоретическое знаніе медицины. Каждый лама долженъ знать тибетскій языкъ, который считается священнымъ нарѣчіемъ, ибо всѣ священные книги, хотя бы и написанныя на монгольскомъ языкѣ, переведены съ тибетскихъ. Ламамъ воспрещено вступать въ бракъ. Они имѣютъ громадное влияніе на свою паству и, пользуясь этимъ, нерѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируютъ бѣдныхъ бурятъ и не мало препятствуютъ сближенію ихъ съ русскими. Кроме своихъ языческихъ праздниковъ, буряты празднуютъ день св. Николая съ неменьшей торжественностью. У забайкальскихъ жителей сильно распространено чествованіе св. Николая, равно какъ и св. Иннокентія иркутскаго. Особенно чтуть буряты св. Николая въ дни памяти этого угодника 6 декабря и 9 мая. 9 мая, разряженные пестро и роскошно, старые и малые, мужчины верхомъ на лошадяхъ, буряты несутся къ

православному храму поклониться „Михолѣ“ (они иначе не могутъ произнести имя Николая). При входѣ въ храмъ, буряты идутъ къ продавцу свѣчей и, набравъ ихъ столько, сколько можетъ помѣститься въ рукѣ, отправляются къ празднuemой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на чено ладонями, читаютъ обыкновенно „омъ - манибаумехомъ“, что значитъ „Господи помилуй“—съ обращеніемъ „хутухту Михола“—(святой Николай); затѣмъ они наперевѣ спѣшать къ подсвѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи. Затѣмъ опять читается та же молитва съ учащенными поклонами. Этого мало: нѣкоторые достаточные буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряные монеты, каковыми жертвами стараются низвести благословеніе святителя на себя и на свой скотъ, который составляетъ главный предметъ заботъ ихъ, такъ какъ въ немъ заключается все ихъ богатство.

Послѣ праздничнаго богослуженія начинается гулянье, во время котораго горѣлка льется рѣкою. Буряты чуть ли не съ молокомъ матери всасываютъ страсть къ водкѣ и готовы пить ее во всякое время, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, они считаютъ даже какъ бы грѣшнымъ для себя не выпить лишней чашки *араки*. Буряты не пьютъ изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ (аяга), вывозимыхъ изъ Китая, которые по формѣ своей похожи на наши блюдца. Въ такой чашкѣ можетъ вмѣститься отъ 3 до 5 нашихъ рюмокъ; чашка бурята осушается всегда залпомъ въ два приема. Тостовъ у нихъ не бываетъ; простое „мэнду“ (здравствуй, будь здоровъ) произносится передъ питьемъ каждой чашки араки. Если праздникъ бываетъ у русскихъ, то визитъ дѣлается бурятамъ, и наоборотъ. Но такъ какъ св. Николай чествуется какъ русскими, такъ и бурятами, то празднество въ честь этого святого бываетъ общее. Что касается до питья водки, то русскій валится съ четырехъ чашекъ, а бурятъ, истребившій водки вдвое болѣе,—никогда, и какъ бы онъ ни былъ пьянъ, ему лиха бѣда дотащиться до своей лошади, на которой онъ, безстрашно качаясь изъ стороны въ сторону, но не теряя равновѣсія, несется къ своимъ юртамъ. Дома объявляется женѣ о прибытіи гостей, начи-

православному храму поклониться „Михолѣ“ (они иначе не могутъ произнести имя Николая). При входѣ въ храмъ, буряты идутъ къ продавцу свѣчей и, набравъ ихъ столько, сколько можетъ помѣститься въ рукѣ, отправляются къ празднuemой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на чено ладонями, читаютъ обыкновенно „омъ - манибаумехомъ“, что значитъ „Господи помилуй“—съ обращеніемъ „хутухту Михола“—(святый Николай); затѣмъ они наперевѣ спѣшатъ къ подсвѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи. Затѣмъ опять читается та же молитва съ учащенными поклонами. Этого мало: нѣкоторые достаточные буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдная и серебряная монеты, каковыми жертвами стараются низвести благословеніе святителя на себя и на свой скотъ, который составляетъ главный предметъ заботъ ихъ, такъ какъ въ немъ заключается все ихъ богатство.

Послѣ праздничнаго богослуженія начинается гулянье, во время котораго горѣлка льется рѣкою. Буряты чуть ли не съ молокомъ матери всасываютъ страсть къ водкѣ и готовы пить ее во всякое время, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, они считаютъ даже какъ бы грѣшнымъ для себя не выпить лишней чашки *араки*. Буряты не пьютъ изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ (аяга), вывозимыхъ изъ Китая, которая по формѣ своей похожи на наши блюдца. Въ такой чашкѣ можетъ вмѣститься отъ 3 до 5 нашихъ рюмокъ; чашка бурята осушается всегда залпомъ въ два приема. Тостовъ у нихъ не бываетъ; простое „мэнду“ (здравствуй, будь здоровъ) произносится передъ питьемъ каждой чашки араки. Если праздникъ бываетъ у русскихъ, то визитъ дѣлается бурятамъ, и наоборотъ. Но такъ какъ св. Николай чувствуетъ какъ русскими, такъ и бурятами, то празднество въ честь этого святого бываетъ общее. Что касается до питья водки, то русскій валится съ четырехъ чашекъ, а буряты, истребившій водки вдвое болѣе,—никогда, и какъ бы онъ ни былъ пьянъ, ему лиха бѣда дотащиться до своей лошади, на которой онъ, безстрашно качаясь изъ стороны въ сторону, но не теряя равновѣсія, несется къ своимъ юртамъ. Дома объявляется женѣ о прибытіи гостей, начи-

наются приготовлением—и черезъ нѣсколько часовъ въ юртѣ идетъ пиръ на славу. Такъ встрѣчается и провожается праздникъ св. Николая забайкальскими монголо-бурятами ламаитами.

При рожденіи ребенка въ бурятской семье соблюдаются слѣдующіе обряды: родитель, приглашая къ себѣ ламу, просить его сдѣлаться *найджиемъ*, то-есть духовнымъ наставникомъ новорожденного младенца. Лама, разсмотрѣвъ астрономическія буддійскія книги, говоритъ, напримѣръ: „сынъ родился въ лѣто древеснаго коня, имѣющаго 4-ый зеленый родимый знакъ мынгэ“ *), Потомъ назначаетъ ему имя, и со дня рожденія его, въ продолженіе одного года читаетъ разныя книги, между прочимъ Банзаракца, чтобы быть новорожденному долголѣтнимъ и добродѣтельнымъ.

Буряты допускаютъ многоженство, но этимъ пользуются только зажиточные. Вторая жена должна во всемъ повиноваться первой женѣ, какъ матери, и этимъ самымъ не нарушается миръ домашняго очага. Часто буряты высоватываютъ невѣстъ своимъ сыновьямъ, когда тѣ находятся еще въ малолѣтствѣ, а это впослѣдствіи ведетъ къссорамъ и разводамъ.

Женившійся обязанъ выплатить отцу невѣсты *калымъ*, преимущественно скотомъ. Плата эта, смотря по званію и состоянію родителей невѣсты, бываетъ иногда очень велика и уплачивается нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ развода, калымъ возвращается, и это служитъ поводомъ къ нескончаемымъ тяжбамъ. Случается и такъ, что воруютъ замужнихъ женщинъ, конечно, съ ихъ согласія,—и тогда новая тяжба. Кровавой мести нѣть у бурятъ, и все можетъ кончиться сдѣлкою, если только обѣ стороны сойдутся въ условіяхъ.

Ламы, какъ мы уже говорили выше, занимаются помимо своей духовной обязанности, лѣченіемъ тѣлесныхъ недуговъ; иногда къ ихъ помощи прибегаютъ и русскіе.

Будучи знакомы съ народной медициной, они иногда

*) Мынгэ—девять знаковъ, означающихъ качества лѣтъ и дней въ буддійскихъ календаряхъ.⁵

лѣчать удачно, но не задумываются также и въ случаѣ неудачнаго лѣченія; тогда они прибѣгаютъ къ всевозможному шарлатанству: и къ отчитыванію, и къ нашептыванію, и къ разнаго рода заклинаніямъ. Чѣмъ богаче больной, тѣмъ больше усердствуютъ ламы въ шарлатанствѣ. Но когда, несмотря ни на какія ихъ штуки, для страждущаго наступаетъ послѣдній конецъ его жизни, ламы оставляютъ бездушный трупъ и передаютъ его попеченію родныхъ. Тѣло покойника обертываютъ кускомъ дабы, а лицо закрываютъ хадакомъ, согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ уснувшаго. Потомъ сваливаютъ трупъ въ уголъ юрты и набрасываютъ сверху тулупъ, а передъ бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ для погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ, то-есть бросить ли его въ воду или въ лѣсъ, сжечь ли его, или просто закопать въ землю. Послѣ того лама, со всею своею прислугою, идетъ на кладбище, чтобы назначить мѣсто для могилы. Кладбища бурятъ бываютъ большей частью поблизости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности... Маленькихъ же дѣтей хоронять иногда подъ юртъ; значительныхъ бурятъ и ламъ въ особенности—на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ. Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепель въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы. По прибытии ламы на кладбище, онъ отыскиваетъ томѣсто, на которомъ, по указаніямъ священныхъ книгъ, должна быть вырыта могила для усопшаго. Тогда съ особенноми молитвами онъ беретъ конецъ снурка, привязаннаго за голову лягушки, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ оронго, а третій углубляетъ черту остриемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа, иглы и прочаго, и каждымъ изъ нихъ ковыряетъ землю вну-

три обозначенной черты. Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ, такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ; это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы тѣло покойника съѣли дикие звѣри и хищныя птицы, иначе мертвѣцъ встаетъ и будетъ тревожить родныхъ, являемъсь ночью въ ихъ юрты. Ламы, по возвращеніи съ кладбища, усаживаются въ юртѣ покойнаго и возобновляютъ безконечный гурумъ (то-есть молебствіе), который продолжается до той минуты, когда вынесутъ тѣло покойнаго на кладбище, что иногда тянется до семи дней. И тогда какъ одни поютъ, пьютъ и ъѣдятъ безъ устали, другие приготовляютъ необходимыя принадлежности для могилы. Изъ нихъ главныя это лоскуты разноцвѣтныхъ матерій; эти лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конскаго волоса, натянутымъ между длинныхъ кольевъ, вбитыхъ кругомъ могилы. За могилу богатый бурятъ платить 81 барана; человѣкъ средняго состоянія 21, даже самый бѣдный не получаетъ могилы даромъ. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей справляются они въ теченіе 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза: въ 3, 7 и 49 день. При томъ поставляется за правило, чтобы первая жертва была принесена за три шага отъ юрты, вторая за шесть, и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сожигается. Остальными частями пользуются ламы. Сверхъ того они получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за всѣ труды при поминкахъ. Какъ ни тяжки условія, но семейство покойнаго бываетъ радо, если только этимъ отдаѣвается.

По совершеніи религіознаго обряда, родные дѣлаютъ пиръ и угощаютъ прѣзжихъ гостей. Надъ могилою умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный срубъ).

Памятникъ этотъ окрашиваютъ краскою и вырѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обвѣшиваютъ кругомъ разноцвѣтными лоскутками, съ написанными на нихъ молитвами, для успокоенія души умершаго. Украшеніе памятника зависитъ отъ состоянія. За погребеніе ламамъ даютъ, смотря по состоянію,—богатые отдаютъ шубу покойника, лошадь, до 10 головъ разнаго скота, также даютъ и деньгами. Бѣдные даютъ кто что можетъ. Родные поминаютъ умершаго ежегодно въ полнолуніе бѣлаго мѣсяца (на полнолуніе каждого мѣсяца у ламаитовъ бываетъ полное служеніе по ихъ вѣрѣ) и дѣлаютъ поминки по покойномъ.

Нерѣдко ламы-тайновидцы, руководимые священными книгами, объявляютъ родственникамъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то недовольна, направила полетъ свой на чужую сторону и тамъ ищетъ сближенія съ душою избраннаго ею человѣка, или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявлениіи начинаются новыя жертво-приношенія, новые искупы, новые обѣты и гурумы, пожирающіе все добытое тяжелымъ трудомъ имущество кочевника-бурята.

Остается сказать нѣсколько словъ о забавахъ бурятъ. Буряты страстные охотники до картежной игры; иногда они совершенно разоряются, благодаря этой страсти. Играютъ они въ три листка и въ монгольскіе дурачки. За неимѣніемъ картъ, прибегаютъ къ старинной національной игрѣ въ *шагайки* (бараны лодыжки). Кости эти, взявъ въ руку, бросаютъ на полъ и по расположению ихъ заключаютъ, по принятому въ игрѣ условію, о выигрышѣ или проигрышѣ.

Въ улусахъ, въ лѣтнее время, особенно во время праздниковъ, устраивается борьба, лошадиные бѣга, стрѣльба изъ лука. Знать бурятская сидитъ на войлокахъ, поджавши ноги и попивая *афаки*, а охотники стараются передъ ними отличиться. Отличившимся выдается небольшая награда въ видѣ бумажнаго платка, полукирпича чаю, цѣлковый и прочее. Но тутъ болѣе всего дѣйствуетъ самолюбіе и гор-

дость побѣдителя, на котораго обращаются взоры степныхъ красавицъ, передъ которыми онъ рисуется по-своему. Для борьбы бойцы выходятъ совершенно нагими. Бойцы, какъ пѣтухи, косятся другъ на друга, подходятъ медленно, потирая руки землею, которую время отъ времени схватываютъ съ полу, и затѣмъ, улучивъ минуту, когда противникъ проглазѣеть, кидаются на него, схватываются съ нимъ, стараются неожиданно сбить его съ ногъ сразу. Но если противники равносильны, то борьба продолжается очень долго. Потъ льетъ градомъ, кости хрустятъ, жилы напрягаются, и наконецъ обезсиленный, запыхавшійся борецъ въ изнеможеніи падаетъ,—и противникъ, вставая съ него, торжественно окидываетъ взоромъ собраніе и медленно идетъ къ своей одеждѣ. Ему подносятъ араки и подзываютъ къ себѣ старики, чтобы похвалить, а иногда дать небольшой подарокъ. Противникъ, при общемъ смѣхѣ, исчезаетъ съ арены, но все-таки остается на празднествѣ. Даровое араки приманиваетъ охотниковъ изъ дальнихъ улусовъ. Сюда же являются пѣвцы, и однобразнымъ голосомъ поютъ тутъ же сейчасъ и сочиняемыя ими пѣсни, восхваляя силу борцовъ, степныхъ красавицъ, быстрыхъ коней и прочее.

Иногда поются пѣсни, переходящія устно изъ рода въ родъ.

Представленіе о душѣ у бурятъ.

(Изъ сравн. этн. очер. Михайловскаго).

Буряты говорятъ, что души умершихъ могутъ быть видимы людьми, хотя не оставляютъ слѣда на пеплѣ очага, при ходьбѣ не ломаютъ старыхъ сучьевъ и не шелестятъ опавшими листьями. Онѣ могутъ быть убиты и снова оживать и превращаться иногда въ голую тазовую кость; онѣ испытываютъ боль и потому боятся боярышника и шиповника. Однажды ночью, рассказываютъ буряты, шель

человѣкъ, имѣвшій способность видѣть духовъ и говоритьъ съ ними. Онъ встрѣтилъ трехъ духовъ и присоединился къ нимъ. По пути онъ узналъ, что эти духи умершихъ идутъ за душой сына богача. Бурятъ попросилъ, чтобы и его допустили принять участіе въ охотѣ за душой.

Дорогой духи спрашиваются, отчего ихъ спутникъ (живой человѣкъ) такъ ходитъ, что мнется трава и шелестятъ сухие листья. Бурятъ объяснилъ имъ, что онъ еще недавно умеръ и не умеетъ ходить такъ, какъ ходятъ духи. Духи повѣрили. Когда они пришли къ богатому человѣку, то одинъ изъ нихъ сталъ у двери, другой у дымового отверстія, а третій заставилъ больного чихнуть. Въ это время душа сына богача выскочила и хотѣла убѣжать, но стоявшій у двери духъ поймалъ и, несмотря на ея плачъ, понесъ свою добычу на рукахъ. На обратномъ пути живой человѣкъ спросилъ у духовъ, чего они больше всего боятся на свѣтѣ. Духи отвѣчали, что особенно имъ страшны шиповникъ и боярка, и, въ свою очередь, спросили, чего боялся бурятъ, когда былъ живой. „При жизни я больше всего боялся жирнаго мяса“, — отвѣчалъ находчивый туземецъ. Пройдя немного дальше, бурятъ предложилъ духамъ дать ему понести душу, такъ какъ онѣ устали. Тѣ согласились и вручили ему пойманную душу. Встрѣтивъ по дорогѣ боярышникъ и шиповникъ, бурятъ бросился туда и залегъ среди колючихъ кустовъ. Духи не решались близко подходить къ кустарнику и тщетно старались выгнать бурята изъ опасныхъ зарослей: они даже бросали куски жирнаго мяса. Бурятъ кричалъ: „боюсь, боюсь!“ а самъ поѣдалъ вкусную пищу. Видя неудачу, духи ушли, а бурятъ возвратилъ душульному и получилъ за это вознагражденіе.